
БОГДАНЧИКОВ С.А.,
кандидат психологических наук,
доцент, кафедра психологии,
Ярославский филиал
Московского
психолого-социального
университета,
г. Ярославль

В ДИАЛОГЕ С Г.И. ЧЕЛПАНОВЫМ

Для стиля работ профессора Челпанова, независимо от их формата (будь то рецензия, научная статья, учебник, отчет о проделанной работе или научно-популярная брошюра) были характерны такие черты, как логичность, убедительность, доступность и – что представляется особенно примечательным – доходящая до афористичности ясность. Попытка следовать этим чертам – в созданном “из сегодняшнего дня” диалоге с ученым.

Для стилю робіт професора Челпанова, незалежно від їх формату (будь то рецензія, наукова стаття, підручник, звіт про виконану роботу або науково-популярна брошура) були характерні такі риси, як логічність, переконливість, доступність і – що видається особливо примітним – яка доходила до афористичності ясність. Спроба слідувати цим рисам – у створеному “із сьогоднішнього дня” діалозі з ученим.

For the style of work of Professor Chelpanova, regardless of format (whether review, scientific articles, textbooks, a progress report or a popular science book) were characterized by traits such as consistency, credibility, availability, and - which is especially noteworthy - reaching to aphoristic clarity. Trying to follow these features - in the created “from today” dialogue with scientists.

Как известно, для стиля работ профессора Челпанова, независимо от их формата (будь то рецензия, научная статья, учебник, отчет о проделанной работе или научно-популярная брошюра) были характерны такие черты, как логичность, убедительность, доступность и – что представляется особенно примечательным – доходящая до афористичности ясность.

Стремление обосновать данный тезис на конкретных примерах и цитатах побудило нас к столетию официального открытия Психологического института подобрать наиболее выразительные высказывания и рассуждения из работ Г.И. Челпанова, представив их, для пущей убедительности – смеем надеяться, вполне в духе Г.И. Челпанова – в жанре диалога (конечно, воображаемого) с самим «юбиларом».

Фактически все ответы Г.И. Челпанова в предлагаемом ниже интервью являются точными цитатами; список использованных при этом первоисточников (с указанием страниц) приводится в конце статьи.

С точки зрения публикатора, какие-либо еще комментарии здесь излишни: челпановские тексты говорят сами за себя, и действие их весьма ощутимо и в наши дни.

А это и есть актуальность, не так ли?!

1. *Георгий Иванович! Пользуясь случаем, позвольте прояснить Ваши позиции по ряду весьма важных вопросов. Прежде всего, хотелось бы услышать ответ на главный вопрос: какова Ваша позиция в вопросе о том, что следует считать исходным пунктом или даже основой психологии?*

– Нельзя считать, как это делают интеллектуалисты, что сознание есть совокупность представлений. Это было бы психическим атомизмом. Представление и их ассоциацию нельзя считать исходным пунктом психологии. Этим является психофизическая реакция. Эта последняя

объясняет то органическое единство, которое существует между интеллектуальной и моторной жизнью. Именно, они суть неотделимые функциональные деятельности в пределах одного цельного действия приспособления. Психофизическая реакция, спонтанное действие – вот исходный пункт и основа психологии.

2. *Но можно ли в таком случае основой душевной деятельности считать рефлекс? Ведь Ваш давний оппонент проф. В.М. Бехтерев еще в 1918 году в «Общих основаниях рефлексологии» прямо писал (на странице 55, цитирую дословно) о том, что «на основании новейших научных данных мы должны признать, что нет, в сущности, ни одного психического процесса, который с внешней стороны не подводился бы под схему рефлекса». Насколько Вам понятна и близка эта позиция В.М. Бехтерева?*

– Этим он хочет сказать, что всякий психический процесс своим началом должен иметь какое-либо внешнее раздражение и должен кончаться каким-либо движением. Эти два момента составляют одну единицу, из соединения которых получается сложная душевная жизнь. Но с таким разложением душевной жизни на сумму рефлексов никак согласиться нельзя, потому что схема рефлекса есть только абстрактная схема, не имеющая реального значения.

3. *Абстрактная схема? Всего лишь «абстрактная схема»? Не могли бы Вы пояснить Вашу позицию по этому вопросу?*

– По обычному пониманию, рефлекс есть механический акт, не сопровождаемый сознанием. Но такого акта мы почти не находим у низших организмов. Рефлексы у низших животных сопровождаются сознанием. Например, у обезглавленной лягушки рефлексы, регулируемые деятельностью спинного мозга, по-видимому, сопровождаются

некоторым видом сознания. У млекопитающих в их рефлексах мы уже не находим такой способности приспосабливать движения. Из этого можно заключить, что то, что обыкновенно принято называть рефлексом, было первоначально связано с влечением и не было исключительно механическим. Чисто механические рефлексы у низших животных отсутствуют. Их движения бесспорно связаны с влечением. Что же касается рефлексов, то они первоначально были волевыми актами и только путем развития превратились в механически действующие процессы.

Первоначальным следует считать не рефлекс, а психофизические реакции, которые можно также назвать движениями под влиянием влечения.

4. Понятно... Но тогда, может быть, правильнее будет говорить не о рефлексе, а рефлекторной дуге?

- Понятие рефлекторной дуги является вполне целесообразным для тех случаев, когда речь идет об актах уже сорганизованных, но оно не достигает цели, когда нужно объяснить видоизменения действий в согласии с опытом. Оно вообще не в состоянии указать, каким образом осуществляется непрерывность сознательно-го приспособления к окружающей среде. Жизнь нельзя себе представлять как совокупность отдельных, независимых друг от друга действий. В потоке жизни эти моменты теснейшим образом связаны друг с другом. Ровным образом сенсорный и моторный процессы переплетаются самым тесным образом друг с другом. Если все душевные процессы мыслить по схеме рефлекса, то может казаться, что сущность этого процесса заключается в том, что сознание, вклиниваясь между раздражением и ответным движением, оказывает определяющее влияние на двигательные процессы.

5. А разве это не так?

- На самом же деле в процессе жизни это не всегда так. Двигательные

процессы также могут предвещать и определять сознательные процессы. Это можно сделать понятным при помощи схемы органического круга, сущность которой сводится к следующему: определенное ответное движение (моторный процесс) не всегда обозначает конец процесса реакции, но весьма часто, благодаря его действию на сознание, оно, в свою очередь, может сделаться раздражением, которое вызовет новый ответ. Если сознание видоизменяется таким образом, то оно в пределах другой рефлекторной дуги становится определяющим фактором в последующих ответных движениях. ... Из этого следует, что не схема рефлекса, а органического круга служит для объяснения жизни психофизического организма.

6. В чем же, выражаясь коротко, состоит коренной недостаток рефлекторной схемы?

- Вообще же схема рефлекса упускает из виду, что в действиях организма существенная роль принадлежит активности и спонтанности самого организма, раздражению же принадлежит второстепенная роль.

7. То есть Вы считаете, что раздражение не является исходным пунктом поведения?

- Появление раздражения есть одно из последних событий в выражении импульсов поведения. Раздражение не есть исходный пункт для поведения. Таким образом, не понятие рефлекса мы возьмем за исходный пункт изучения душевной жизни, а понятие реакции, но не то механическое понятие реакции, которое предлагает современная так называемая «объективная» психология, а понятие реакции субъективной психологии, которая под реакцией понимает психофизическую реакцию.

8. Насколько известно, в июне 1918 года Вы как директор Психологического института дали положительное заключение по вопросу о создании академиком

В.М. Бехтеревым Института по изучению мозга и психической деятельности. Какими соображениями Вы при этом руководствовались?

– Рассмотрев план академика В.М. Бехтерева устройства Института по изучению мозга и психической деятельности, нахожу, что учреждение подобного института в России весьма желательно, так как институт может иметь огромное научное и практически-педагогическое значение. Можно быть уверенным, что в руках такого всемирно известного исследователя, как академика Бехтерева, деятельность Института будет вполне успешна. Смета, представленная академиком Бехтеревым, по моему мнению, весьма умеренна.

9. Не могли бы Вы уточнить, в чем, с Вашей точки зрения, заключается разница между методами И.П. Павлова и В.М. Бехтерева?

– Разница между методами Павлова и Бехтерева заключается в том, что у Павлова изучаются такие рефлексy, в конечном результате которых получается истечение слюны, а у Бехтерева – сокращение каких-либо мышц.

10. Позвольте теперь перейти к вопросу о значении марксизма для психологии. Как Вы смотрите на предложенную Вашими бывшими учениками попытку провести с марксистских позиций реформу в психологии?

– Научная психология в России в 1922 году должна была подвергнуться реформе в согласии с идеологией марксизма. Некоторые лица (Блонский, Корнилов) предложили провести реформу таким образом, чтобы вместо психологии, будто бы содержащей какие-то идеалистические элементы, ввести рефлексологию. Другими словами, психологию, которая имеет исходным пунктом внутренний опыт, заменить исключительно объективным изучением физиологических процессов и внешних выражений. Этот взгляд в качестве подлинно марксистского пользуется широким распространением

в научных кругах. Но он является ошибочным пониманием идеологии марксизма.

11. В чем же тогда, с Вашей точки зрения, должна заключаться реформа психологии в условиях господства в стране марксистской идеологии?

– Символом реформы психологии при новой идеологии должно являться не устройство собачников для изучения условных рефлексов, как это делается в современных психологических учреждениях, а организация работ по изучению социальной психологии.

12. Хорошо сказано, от души! А как Вы в таком случае видите соотношение психологии, рефлексологии и философии марксизма?

– В современной мировой науке за рефлексологией признается научное значение постольку, поскольку она является определенным методом, дающим материал для физиологического объяснения душевных явлений. Поэтому она имеет значение только при наличии психологии. Если же отрицается реальность сознания, то рефлексология превращается в философскую систему механического материализма, находящегося в противоречии с философией марксизма. Как раз именно это последнее и делают русские рефлексологи; вследствие этого между подлинными русскими марксистами и рефлексологами, именующими себя по недоразумению марксистами, получается вопиющее противоречие...

13. Вы имеете в виду редукционистские тенденции по отношению к психическим явлениям? И какова Ваша точка зрения по этому вопросу?

– Попытки сводить душевные явления к материальным или заменять изучение душевных явлений материальными есть механический материализм. К механическому материализму, иначе называемому вульгарным, Маркс, Энгельс и марксисты всегда относились решительно отрицательно... Рефлексо-

логия, делающая попытку сводить психические явления к физиологическим, есть вид механического материализма и находится в решительном противоречии с марксистской философией.

14. Кого из марксистов Вы здесь конкретно имеете в виду?

– Ко всякой попытке сводить психическое к физиологическому отнoсились отрицательно Фейербах, сам Маркс, Энгельс и Дицген. Их гуманистический материализм требовал признания реальности сознания в такой же мере, как и реальности материи.

15. А как Вы видите тогда соотношения рефлексологии и учения об условных рефлексах как научных дисциплин?

– Рефлексология и учение об условных рефлексах существуют как научные дисциплины не в порядке идеологической обязательности, а в порядке методологической целесообразности.

16. В чем, с Вашей точки зрения, состоит общее между Вашей позицией и позицией Маркса в вопросе о реальности сознания?

– Маркс при трактовании психологических проблем стоит на почве строго эмпирической и позитивной. На такой же точке зрения стоит и современная эмпирическая психология.

17. То есть, получается, что защищаемая Вами эмпирическая психология не идеалистична, а, наоборот, материалистична?

– Современная эмпирическая психология не идеалистична, а, в смысле Маркса и Энгельса, материалистична, ибо она избегает вносить в свои объяснения что бы то ни было трансцендентное и все душевные явления рассматривает в зависимости от материальных явлений. Поэтому она не несет никакой ответственности за идеализм идеалистической философии.

18. Что Вы скажете по вопросу о значении диалектического метода (и диа-

лектического материализма вообще) для психологии?

– При определении места психологии в системе марксизма следует пользоваться не понятием диалектического материализма, а понятием психофизического материализма, так как закон диалектического развития, будучи универсальным законом, не указывает специфических признаков, присущих психической области.

19. Не могли бы Вы коротко сформулировать свои основные положения по вопросу о месте психологии в системе Маркса?

– Вопрос о месте психологии в системе Маркса можно формулировать в следующих положениях.

А) Современная научная психология, обозначающая себя эмпирической, вследствие того, что она отмежевывается от всякой метафизики, остается без изменения и по методу и по содержанию.

В) На основе научной психологии заново строится специально марксистская психология, именно, социальная психология по марксистскому методу.

С) Заново строится прикладная психология, представляющая приложeние научной психологии к проблемам марксистской социологии.

20. В чем же тогда, с Вашей точки зрения, состоит главная задача русских психологов при разрешении вопроса о значении марксизма для психологии?

– Вследствие неразрешенности вопроса о марксизме в психологии, очередная задача современной русской психологии состоит в том, чтобы отыскать научный подход к идеологии марксизма.

21. Насколько я понял, Вы признаете определенное научное значение марксизма для психологии. Можно ли в таком случае говорить о марксистской психологии? И если можно, то что конкретно тогда следует понимать под марксистской психологией?

– Специально марксистская психология есть психология социальная,

изучающая генезис «идеологических форм» по специально марксистскому методу, заключающемуся в изучении происхождения указанных форм в зависимости от изменений социального хозяйства. Такая психология в мировой литературе имеется только в зачаточной форме (об этом см.: Плеханов Г.В. «Основные проблемы марксизма», глава VIII). В России ее совсем нет. Задача научно-исследовательских психологических институтов организовать именно такие психологические исследования. Они будут представлять собою марксистскую психологию в собственном смысле слова.

22. Тогда еще один вопрос, уточняющий. Ясно, что рефлексология ни в коей мере не находится в соответствии с марксизмом, т.е. марксистской признана быть не может. Но может ли эмпирическая или экспериментальная психология стать марксистской?

– Эмпирическая же и экспериментальная психология марксистской стать не может, как не может стать марксистской минералогия, химия, физика и т.п.

23. Правильно ли я Вас понял: с Вашей точки зрения, современная эмпирическая психология марксистской не является, но, тем не менее, в отличие от рефлексологии находится в соответствии с марксизмом?

– Современная эмпирическая психология, признающая внутренний опыт исходным пунктом своего изучения и в такой же мере применяющая и объективные методы изучения душевных явлений, находится в согласии с марксизмом; рефлексология же, отрицающая реальность сознания, находится с ним в решительном противоречии. Поэтому заменять психологию рефлексологией нет никаких оснований, а тем более совершенно ее устранять...

24. Выходит, марксистская психология и физиология не связаны между собой общностью позиций?

– Марксистская психология не имеет никакого отношения к физиологии, а потому величайший абсурд – думать, что изучение условных рефлексов по методу Павлова есть подлинная марксистская психология.

25. Значит, все зависит от того, какой именно смысл вкладывать в понятия «материализм», «вульгарный материализм» и «марксистский материализм», т.е. все дело заключается в как можно более четком определении и разведении этих понятий? Какова же Ваша позиция в этом вопросе?

– Я отвергал материализм Бюхнера (а его отвергал и Маркс) и признавал материализм Спинозы (Маркса). Но до 1922 года мы называли материализмом только материализм вульгарный (Бюхнера), а с 1922 года, по примеру Маркса и Энгельса, мы должны (по старой терминологии) и психофизический параллелизм называть материализмом, но должны в то же время решительно отличать этот материализм от материализма Бюхнера.

Но что сказать в таком случае о лицах, которые не проводят различия между бюхнеровским материализмом и марксистским материализмом и, стоя на точке зрения бюхнеровского материализма, убеждены, что они суть настоящие марксисты?

Пожалуй, сказать совершенно нечего, все ясно. Спасибо за интервью!

...Вывод о том, насколько приведенные суждения, высказывания и оценки Г.И. Челпанова продолжают оставаться истинными и в наше время, а также о том, насколько они непосредственно приложимы к нашей современности, равнодушный читатель, может сделать сам. Скажем честно: ведь дело не только в том, насколько для нас сейчас актуален Г.И. Челпанов – дело еще и в том, насколько мы сами актуальны Г.И. Челпанову.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Челпанов Г.И. Биологическая точка зрения в психологии // *Неврология, невропатология, психология, психиатрия: Сборник, посвященный 40-летию научной, врачебной и педагогической деятельности проф. Г.И. Россолимо. 1884-1924.* – М.: Наркомздрав. Главнаука, 1925. С. 207-217. – С. 213.
2. Там же. – С. 213.
3. Там же. – С. 213-214.
4. Там же. – С. 214.
5. Там же. – С. 214-215.
6. Там же. – С. 215.
7. Там же. – С. 215.
8. Заключение директора Психологического института при Московском университете проф. Г.И. Челпанова о создании Института по изучению мозга и психической деятельности 5.06.1918 // *Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925): Сб. документов.* – Л.: Наука, 1968. 419 с. – С. 251.
9. Челпанов Г.И. *Объективная психология в России и Америке (Рефлексология и психология поведения).* – М.: Изд-во Т-ва «А.В. Думнов и Ко», 1925. 79 с. – С. 7.
10. Челпанов Г.И. *Психология и марксизм.* 2-е изд. – М.: Русский книжник, 1925. 30 с. – С. 7.
11. Челпанов Г.И. *Социальная психология или «условные рефлексy»?* – М.-Л., 1926. 38 с. – С. 10.
12. Челпанов Г.И. *Психология и марксизм.* 2-е изд. – М.: Русский книжник, 1925. 30 с. – С. 8.
13. Там же. – С. 20-21.
14. Там же. – С. 21.
15. Челпанов Г.И. *Спинозизм и материализм. Итоги полемики о марксизме в психологии.* – М.: Издание автора, 1927. 47 с. – С. 44-45.
16. Челпанов Г.И. *Психология и марксизм.* 2-е изд. – М.: Русский книжник, 1925. 30 с. – С. 26.
17. Там же. – С. 26.
18. Челпанов Г.И. *Спинозизм и материализм. Итоги полемики о марксизме в психологии.* – М.: Издание автора, 1927. 47 с. – С. 45.
19. Там же. – С. 45.
20. Там же. – С. 45.
21. Челпанов Г.И. *Психология и марксизм.* 2-е изд. – М.: Русский книжник, 1925. 30 с. – С. 26.
22. Там же. – С. 26-27.
23. Там же. – С. 27.
24. Там же. – С. 29.
25. Там же. – С. 30.